

От логики трансцендентальной к логике герменевтической: теория познания Г. Миша

О.В. НИЗОВА

В статье рассматривается трансформация трансцендентальной логики И. Канта в герменевтическую логику немецкого философа Г. Миша на основе анализа его геттингенских лекций по логике и введению в теорию познания; показывается проложенный Г. Мишем путь преодоления кантовского схематизма посредством описания генезиса феномена «логического» из феномена «значимости», который возникает в допредикативном опыте, посредством описания дологических проявлений значения в биосемантике и посредством введения эвокативных высказываний в дополнение к дискурсивным; уделяется внимание актуальному междисциплинарному подходу.

Ключевые слова: герменевтическая логика, теория познания, значение, эвокативные высказывания.

The article deals with the transformation of I. Kant's transcendental logic into the hermeneutical logic of the German philosopher G. Misch on the basis of the analysis of his Göttingen lectures on logic and introduction to the theory of knowledge. Misch's way of overcoming of Kantian schematism by the description of the genesis of the phenomenon of «logical» from the phenomenon of «significance» arising in pre-predicative experience, by the description of pre-logical manifestations of meaning in biosemantics and by the introduction of evocative statements in addition to discursive ones is demonstrated; attention is paid to the actual interdisciplinary approach.

Keywords: hermeneutical logic, theory of knowledge, meaning, evocative statements.

В год трёхсотлетнего юбилея И. Канта всё философское сообщество обращается к наследию великого мыслителя и его последователей. Ввиду продолжающихся в XXI-м в. гносеологических исследований и с учётом их междисциплинарной направленности определенный интерес представляет опыт немецкой герменевтики начала XX-го в. Напомним, что стремительный рост всех областей научного знания в конце XIX-го – начале XX-го вв. сопровождался решением философских задач по построению его общей теории, включающей логику и методологию. Подобные проблемы рассматривали философы разных направлений, среди которых были представители школ неокантианства и связанные с кантианской традицией мыслители Э. Гуссерль, предпринявший критику логического разума, В. Дильтей, оставивший незавершённый проект критики исторического разума, а также их последователи. В материалах лекций по логике и введению в теорию познания, прочитанных Г. Мишем – учеником В. Дильтея – в Геттингенском университете в период с 1927/28 по 1933/34 гг. и изданных под редакцией философа Ф. Роди – ученика философа О.Ф. Больнова – в 1994 г. во Фрайбурге и Мюнхене [1], обсуждается трансцендентальная логика И. Канта и Э. Гуссерля, используется категориальный аппарат дильтеевской философии жизни, критически переосмысливается хайдеггеровская аналитика повседневности с опорой на научные достижения в области филологии, биологии, поведенческой психологии, антропологии тех лет в целях построения здания философской логики. Исследовательский диапазон этой теории познания столь широк, что Ф. Роди в предисловии к этому изданию выразил надежду на то, что публикация этих лекций придаст новый импульс современным философским дискуссиям. Обратим внимание на тот факт, что этой публикации предшествовала многолетняя работа издателя над рукописями и факсимиле Г. Миша, что явилось достижением в применении герменевтических методов и послужило творческим продолжением дильтеевской традиции. Книга ещё не переведена на русский язык, но известна российским и зарубежным исследователям [2]. Многие из затронутых Г. Мишем проблем созвучны современным вопросам когнитивистики: например, в его лекциях осуществляется рефлексия над гипотезами фонологии, над межкультурными исследованиями и сравнительным языкознанием, над биосемантикой, этнологией и т. п. Обращение к данному материалу позволяет не только прочесть «Критику чистого разума» с позиций герменевтической логики начала XX-го в., но и поразмышлять над углублением содержания курса теории познания и философии науки в XXI-м в.

Во вступительной части лекций Г. Миш рассматривает феномен логики как науки в трудах философов, начиная от Платона, Аристотеля и заканчивая Э. Гуссерлем, но принципиально выбирает возвращение к логике И. Канта: «Отделив логику от онтологии, И. Кант открыл новый путь к философскому обоснованию логики, по которому мы последовательно пойдём, избавляясь от некоторых предрассудков его теории» [1, с. 67]. Сохраняя трансцендентальную логику И. Канта как дисциплину, изучающую «объем, происхождение и объективную значимость» априорных знаний [3, с. 158–159], и решая сформулированную им в русле дильтеевской школы задачу «оживления логических категорий» [1, с. 71], философ сосредотачивается на вопросе об их происхождении из самой «жизни», поскольку это позволяет «расширить фундамент для общей теории знания, включающей метафизическое, духовное и практическое знание».

Описание генезиса знания (логоса) Г. Миш ведёт от переживания (Erleben) как психического единства (Darinneinsein im Leben), предшествующего субъект-объектному разделению и получающему своё проявление (Ausserung) в разных формах выражений, начиная от простейших из них в виде мимики, жестов, движений и заканчивая словами (в спектре от междометий до сложных глагольных конструкций), понятиями и высказываниями.

Одно из предубеждений И. Канта, которое приводит к изоляции трансцендентального субъекта, к расколу на мир феноменов и ноуменов и подлежит устранению в общей теории познания, Г. Миш находит в интеллектуальной нагруженности чувственного созерцания, имплицитном понимании его как «суждения восприятия» (Wahrnehmungsurteil). Он отмечает, что до упоминаемого И. Кантом синтеза схватывания (Ergreifen) [3, с. 211] и соответствующего конституирования предмета познания можно описать такие ступени, как «значение», «полагание», «значимость» в жизненной практике субъекта (Lebensverhalten). Полагание (Meinen) как начало акта понимания, выделение некоторого события из потока жизни (Lebensverlauf), Г. Миш этимологически возводит к средневековому немецкому слову Minne, обозначавшему возвышенную любовь рыцаря к даме сердца, и указывает на его эмоциональную окрашенность [1, с. 101], которая исчезает при заимствовании в немецкий язык латинского варианта Intention, что происходит в текстах Ф. Brentano и его философского наследника Э. Гуссерля. Кроме того, в более позднем употреблении немецкий синоним указывает на обращенность к собеседнику. Отметим, что Г. Мишу принадлежит заслуга в создании динамического перехода от «значимости» (Bedeutsamkeit) в биосемиотике Я. Иксюля, связанной с перцептуальным и операциональным миром живого существа внутри его видового сообщества, через сигнификацию в языке животных и древних корнях языков индоевропейской группы к значимости в виде ценности, формирующей личность. При характеристике последней он полемизирует с М. Хайдеггером, заострившим трагические черты повседневности, такие, как одиночество, потерянности в мире, страх, указавшим лишь в качестве примечаний феномены радости, любви и заменившим труд и творчество экзистенциалом «заботы». Признавая оригинальность религиозной поэтики хайдеггеровских экзистенциалов, Г. Миш остаётся приверженцем категориальной философской конструкции, основанной И. Кантом и В. Дильтеем.

Если у И. Канта речь идёт о категориях как понятиях чистого рассудка, о способности воображения, наполняющей наше эмпирическое созерцание, о схематизме в применении категорий и о последующей таблице суждений как основе трансцендентальной логики, то Г. Миш описывает феномен процессуальности, который свойственен созерцанию и его отражению в словах, для того чтобы привлечь внимание к тому типу предметности, который возникает в науках о духе и выражается в ином типе высказываний, не вошедшем в кантовскую таблицу.

Слово как звуковой образ участвует и в общении, и в познании. Г. Миш приводит интересные данные немецкого лингвиста Ф. Бехтеля относительно слов, обозначающих чувственные восприятия в индоевропейских языках. При сравнении значений архаических фонем и корней (war, ma и др.), связанных со слухом, зрением, обонянием, удалось установить, что субъективная сторона восприятия не отражалась в языке: «звучание» означало и слух, «свечение» – зрение и т. д., а его предметная сторона (звук, свет, истечение) получала многообразное выражение. Например, «вибрирующий звук», «резкий оглушающий звук» и т. д. Таким образом, значение образованных этими корнями слов передавало динамику воздействия предметов на субъект речи. Г. Миш выражает мнение, что этот факт языкового развития в

сочетании с другими данными языкознания, например, с наличием активного и пассивного залога, безличных предложений, доказывает искусственность субъект-объектной конструкции трансцендентального идеализма и его подхода к анализу языка. Не только И. Кант, но и такие неокантианцы, как Э. Кассирер, воспринимают язык статически как логические функции, не учитывая генезис значений слов и допредикативные формы.

На основании сравнительно-языкового анализа Г. Миш приходит к выводу, что развитие языка не аналогично процессу работы с понятиями и не тождественно элементарным операциям сравнения. Речь направлена на то, чтобы раскрыть значения в определённых контекстах, поэтому, проводя различие между смыслом и значением, философ закрепляет «значение» (*Bedeutung*) за словом и «смысл» (*Sinn*) за предложением. Основой его конструкции логики становится «значение», выраженное субстантивом глагольной формы, *das Bedeuten*, указывающим на активную деятельность субъекта по означиванию себя и окружающего мира для других: «я открываю тебе то, что я имею в виду, или то, что имеет место» [1, с. 87–88]. Первенство глагольных конструкций над именами существительными в разных языках подтверждает эту мысль: архаические имена существительные часто являются субстантивами.

Согласно Г. Мишу речь как процесс продуктивно-объективированной артикуляции является духовным творчеством. Она связана не только с чистой формой дискурсивного мышления, обусловленного природой рассудка, как это показано у И. Канта в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике», но и с эвкативной формой, раскрывающей интуицию целого, той формой, которую вводит Г. Миш в герменевтику. Высоко оценивая заслуги Канта в описании одной из форм мышления, он указывает на многообразие тех форм, которые существуют «по ту и эту сторону языка, от практического интеллекта до мистического погружения в молчание». Для определения границ дискурсивной формы Г. Миш приводит иронические слова И. Канта из его письма Й.Г. Гаману от 6.04.1774, что он [Кант] «как бедный сын земли совсем не приспособлен к божественной речи созерцающего разума, достигая в полной мере только того, что можно по буквам извлечь из общих понятий по законам логики» [1, с. 427] и сопоставляет их со словами Й.В. Гёте из его «Естественнонаучных трудов», где говорится о «созерцающем рассудке» (*anschauende Urteilskraft*) как метафоре творческой силы природы, частью которой мы являемся, а также – с его более ранними стихотворными строками, указывающими на тщетные усилия нашей «фабрики мысли» по распутыванию природных связей. Признавая жизненное единство мыслесообразности (*Gedankenmaessigkeit*) и непостижимости (*Unergruendlichkeit*), Г. Миш полагает, что интуиция, раскрывающая целое в связях между особенным и общим, может быть объективирована в языке, например, в эвкативных выражениях и высказываниях.

Единство анализа и синтеза, проявляемое в любом из предложений языка, «имманентный синтез», Г. Миш обосновывает при помощи сравнительно-языковых исследований, включающих конструкции китайского, японского, гренландского, русского и других языков по отношению к немецкому варианту выражения языкового значения, а также при помощи языковой концепции В. Гумбольдта. К этим аргументам он добавляет дильтеевское понимание «значения» как порождения диалектического единства «определённого» и «неопределённого» внутри герменевтического круга «жизни» [1, с. 485].

Если дискурсивные формы, а именно: суждения в физике и математике, в которых устанавливаются определения и законы на основе введённых абстрактных понятий (например, «если $a > b$, то $a + c > b + c$ ») – односторонне фиксируют свой предмет, то в гуманитарных науках признаётся многоаспектность предмета, возможность его множественных описаний, возникающая в том числе благодаря многозначности слова. В качестве эвкативных выражений, встречающихся на протяжении истории философии, Г. Миш приводит «брахман» в древнеиндийской мысли, «дао» в древнекитайской, «логос» Гераклита, «жизнь» в философии жизни, нуминозность Р. Отто и др., а также многочисленные примеры «верных выражений» и звукописи из поэзии Й.В. Гёте, произведений К. Гамсуна, Д. Голсуорси и других авторов.

Можно сказать, что философская логика Г. Миша, основанная на расширении трансцендентальной логики И. Канта с помощью «фундамента» в виде «значения» и способов его выражения, была одной из интересных попыток создания общей теории знания, которая не

только объединяла естественные и гуманитарные науки, но и описывала разные уровни когнитивных процессов в соответствии с научными достижениями начала XX-го в. Некоторые из них, например, понятие «Umwelt» Я. Иксюля, описание опытов В. Келера с обезьянами, расшифровка языка танца пчёл К. фон Фришем по-прежнему могут быть использованы для характеристики дологической стадии познания в учебных материалах по гносеологии. Лекции Г. Миша заслуживают внимания современных гносеологов как образец строгой философской конструкции, основанной на понятии «значение» и тем самым способствующей систематизации и классификации разных форм знания, что особенно актуально в наше время, когда современная наука ставит перед философами масштабные по широте междисциплинарных исследований задачи, предоставляя в их распоряжение массивы новых данных о различных сигнификативных процессах, начиная от частичной расшифровки ДНК отдельных видов живых организмов, а также работы нейронов у млекопитающих и человека до компьютерных языковых моделей.

Современный курс теории познания и философии науки должен соответствовать этому уровню исследований, чтобы у студентов и магистрантов разных специальностей подготовки появились возможности для ознакомления с систематизированными научными данными последних лет, что будет способствовать развитию их научного потенциала и препятствовать мозаичности их сознания, усиливаемой информационными интернет-потоками. Кроме того, важна и духовная составляющая герменевтической логики Г. Миша, нацеленность на творческий характер работы с языком, с эвокативными выражениями, в том числе. Благодаря живому языку, «продуктивно-объективированной артикуляции», в полной мере может быть раскрыт уникальный духовный мир личности, не сводимый к набору навязанных извне, шаблонных представлений.

Литература

1. Misch, G. Der Aufbau der Logik auf dem Boden der Philosophie des Lebens : Goettinger Vorlesungen ueber Logik und Einleitung in die Theorie des Wissens / G. Misch. – Freiburg/Muenchen : Verlag Karl Alber, 1994. – 592 s.
2. Соболева, М. Е. Философская герменевтика. Понятия и позиции / М. Е. Соболева. – М. : Gaudeamus, 2014. – 151 с.
3. Кант, И. Собрание сочинений : в 6-ти т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.